

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)
М79

Kass Moragan
The 100. Day 21. Homecoming. Rebellion
Серия «Сотня»

Дизайн обложки: *Юлия Межова*
Перевод с английского *Ольги Кидвати, Ирины Нечаевой*
Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Produced by Alloy Entertainment, LLC
Rights People, London и The Van Lear Agency

© 2013, 2014, 2016 by Alloy Entertainment
© Юлия Межова, обложка, 2020
© Ольга Кидвати, Ирина Нечаева, перевод, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

СОТНЯ

Эта книга — плод воображения автора.
Все имена, персонажи, места и ситуации вымышлены.
Любые совпадения с реальными событиями,
географическими объектами и людьми, как умершими,
так и ныне здравствующими, являются случайностью.

*Моим родителям, дедушкам и бабушкам
с любовью и благодарностью посвящается.*

Глава I

КЛАРК

Дверь отъехала в сторону, и Кларк поняла: пришло время умирать. Взгляд остановился на ботинках охранника, и девушка ощутила приступ страха, вернее — отчаянной, неконтролируемой паники. Но когда она приподнялась на локте (рубашка нехотя отклеилась от пропотевшей койки), единственным ее чувством стало облегчение.

Кларк перевели в изолятор после нападения на охранника, но для нее не существовало понятия одиночного заключения: голоса она слышала везде. Голоса зывали из темных углов ее узилища, заполняли паузы между двумя ударами сердца, вопили в самых глубоких тайниках сознания. Не то чтобы Кларк жаждала погибнуть, но если смерть была единственным способом заставить их замолчать — что ж, тогда она готова умереть.

Кларк посадили в Тюрьму за особо тяжкое преступление, но правда была много ужаснее, чем можно вообразить. Даже если каким-то чудом после пересмотра дела ее помилуют, легче не станет. Ее воспоминания тяжелее самого сурового заключения.

Охранник кашлянул, прочищая горло, и переступил с ноги на ногу.

— Заключение номер 319, пожалуйста, встаньте.

Он был моложе, чем она ожидала. Долговязая фигура терялась под свободной униформой, выдавая в ее обладателе новобранца. Несколько месяцев на усиленном военном пайке оказалось недостаточно, чтобы изгнать призрак недоедания, вечно преследовавший Уолден и Аркадию, нищие корабли Колонии.

Кларк глубоко вздохнула и поднялась на ноги.

— Вытяните руки вперед, — сказал охранник, извлекая из кармана своего синего мундира металлические наручники. Девушка вздрогнула, когда он коснулся ее кожи: с тех пор как ее бросили в изолятор, она не видела ни одной живой души, и тем более не ощущала ничьих прикосновений. — Слишком туго? — резко спросил охранник, но в его тоне сквозила нотка сострадания, кольнувшая сердце Кларк. Слишком много времени прошло с тех пор, как Талия — ее бывшая сокамерница и единственный во всем белом свете друг — ей сочувствовала.

Кларк покачала головой.

— А теперь присядьте на кровать. Доктор вот-вот будет.

— Они сделают это прямо тут? — хрипло спросила Кларк: слова словно скребли ей горло. Визит доктора мог означать только одно: отказ в пересмотре дела. Что ж, удивляться тут нечему.

По закону Колонии, взрослых казнили сразу после вынесения приговора, а подростков содержали в Тюрьме, пока им не исполнится восемнадцать, после чего давали еще один шанс на правосудие. Но в последнее время приговор приводили в исполнение через несколько часов после повторного рассмотрения дела. На казнь шли даже те, кто еще несколько лет назад мог смело рассчитывать на помилование.

Однако поверить в то, что они сделают это прямо в ее камере, было трудно. Как ни странно, Кларк предвкушала последний поход в больницу, где так много вре-

мени провела, будучи студенткой-медичкой. Это был ее последний шанс почувствовать нечто привычное, знакомое — пусть даже это всего лишь запах дезинфекции и гул системы кондиционирования — прежде чем она навсегда утратит способность что-либо ощущать.

Избегая встречаться с ней глазами, охранник произнес:

— Просто сядьте.

Кларк сделала несколько маленьких шажков и напряженно опустилась на самый краешек своей узкой койки. Хотя она знала, что одиночество искажает восприятие времени, ей все равно трудно было поверить, что она отсидела в этой камере — совсем одна — почти шесть месяцев. Год, проведенный с Талией и их третьей сокамерницей, Лизой (девушкой с суровым выражением лица, за все время улыбнувшейся один-единственный раз: это произошло, когда уводили Кларк), казался вечностью. Но иного объяснения происходящему просто не было. Сегодня ее восемнадцатый день рождения, и ей уготован единственный подарок: шприц, который вызовет паралич всех мышц. И ее сердце перестанет биться. А потом, как это принято в Колонии, безжизненное тело отправят в космос, и оно будет всю оставшуюся вечность дрейфовать по Галактике.

В дверях выросла человеческая фигура, и в камеру шагнул высокий, стройный мужчина. Его длинные седые волосы падали на плечи, частично закрывая значок на вороте белого халата, но Кларк не нуждалась в знаках различия, чтобы узнать в пришедшем главного медицинского координатора Совета. Перед тем как ее арестовали, она почти год училась у доктора Лахири и бесчисленное количество часов провела рядом с ним во время хирургических операций. Остальные стажеры завидовали ей и жаловались на кумовство, ведь доктор Лахири — один из ближайших друзей отца Кларк. Ну, или был им до тех пор, пока ее родителей не казнили.

— Привет, Кларк,— любезно приветствовал он девушку, словно они встретились в больничной столовой, а не в тюремной камере-одиночке. — Ну как ты себя чувствуешь?

— Думаю, гораздо лучше, чем буду минут через десять.

Раньше доктор Лахири всегда улыбался мрачным шуткам Кларк, но сегодня он вздрогнул и повернулся к охраннику:

— Не могли бы вы снять с нее наручники и дать нам пару минут? Пожалуйста.

Охранник поежился:

— Я не имею права оставлять ее без присмотра.

— Вы можете подождать прямо за дверью,— подчеркнуто терпеливо произнес доктор Лахири.— Это всего лишь безоружная семнадцатилетка. Я думаю, что смогу контролировать ситуацию.

Избегая взгляда Кларк, охранник снял с нее наручники, кивнул доктору Лахири и вышел.

— Вы, наверно, хотели назвать меня безоружной восемнадцатилеткой,— выдавливая подобие улыбки, сказала Кларк.— Или вы превратились в одного из безумных ученых не от мира сего и не знаете, какой год стоит на дворе?

Именно таким был ее отец. Он забыл запрограммировать суточный цикл освещения их квартиры и, в конце концов, стал ходить на работу к четырем часам утра, слишком погруженный в свои исследования, для того чтобы заметить полное отсутствие людей в коридорах корабля.

— Тебе все еще семнадцать, Кларк,— в голосе доктора Лахири звучали те спокойные, медлительные нотки, которые он обычно приберегал для очнувшихся от наркоза пациентов.— Ты провела в камере-одиночке три месяца.

— Тогда что вы тут делаете? — спросила Кларк, не в силах скрыть вновь охватившую ее панику.— Закон

гласит, что вы должны дождаться моего восемнадцатилетия.

— Наши планы несколько изменились. Это все, что я уполномочен сказать.

— Значит, вы уполномочены казнить меня, но разговаривать со мной вам нельзя?

Она вспомнила, как наблюдала за доктором Лахири во время суда над ее родителями. Тогда она думала, что его мрачное лицо выражает неодобрение происходящего, но теперь не была в этом уверена. Он ничего не сказал в их защиту, ни единого слова. Просто сидел и молчал, когда Совет признал ее родителей — двух самых блестящих ученых Феникса — виновными в нарушении Доктрины Геи. Так назывался свод правил, установленных после Катаклизма для выживания человеческой расы.

— А как насчет моих родителей? Их тоже убили вы?

Доктор Лахири закрыл глаза, как будто слова, произнесенные Кларк, перестали быть звуком и преобразились во что-то видимое. Видимое и уродливое.

— Я здесь не для того, чтобы убить тебя, — тихо сказал он, потом открыл глаза и указал на стул в изножье кровати. — Я могу присесть?

Когда Кларк не ответила, доктор Лахири прошел немного вперед и уселся так, чтобы видеть ее лицо.

— Пожалуйста, позволь мне взглянуть на твою руку.

Кларк почувствовала, как сдавило ее грудную клетку, и сделала над собой усилие, чтобы вдохнуть. Он лгал ей. Все происходящее казалось ночным кошмаром, но должно было вот-вот окончиться раз и навсегда.

Она протянула ему руку. Доктор Лахири достал из кармана сверток, резко пахнущий антисептиком. Кларк вздрогнула, когда он коснулся внутренней стороны ее запястья.

— Не беспокойся, больно не будет.

Кларк закрыла глаза, вспоминая полный муки взгляд Уэллса, устремленный ей вслед, когда ее под конвоем

уводили из зала Совета. Гнев, сжигавший девушку изнутри во время судебного разбирательства, давно угас, но от мыслей об Уэллсе в ее теле по-прежнему поднималась горячая пульсирующая волна. Так умирающая звезда, прежде чем кануть в небытие, вспыхивает последний раз.

Ее родители мертвы, и это его вина.

Доктор Лахири взял ее за руку, его пальцы искали ее вену.

До скорой встречи, мама и папа.

Его пальцы сжались сильнее.

Во внутреннюю сторону запястья вонзилась игла, и Кларк глубоко вздохнула.

— Ну вот, все готово.

Глаза Кларк распахнулись сами собой. Она посмотрела вниз и увидела металлический браслет, плотно охвативший ее руку. Девушка провела по нему пальцем и вздрогнула, когда в ее кожу вонзилась дюжина крохотных игл.

— Что это? — спросила она, отстраняясь от доктора. В ее голосе послышалось безумие.

— Просто расслабься, — отстраненно произнес доктор. — Это витальный ретранслятор. Чтобы отслеживать твоё дыхание, состав твоей крови и собирать всю полезную информацию.

— Полезную для кого? — спросила Кларк, уже предчувствуя ответ, ее внутренности словно сжались от ужаса и дрожали.

— Впереди грандиозные события, — сказал доктор Лахири. Это прозвучало, как неудачная подделка речи отца Уэллса, Канцлера Яха, в День Памяти павших. — Ты должна гордиться. Этим ты сможешь помочь своим родителям.

— Моих родителей казнили за измену.

Доктор Лахири бросил на нее неодобрительный взгляд. Год назад такой взгляд заставил бы ее сгореть со

стыда, но сейчас она выдержала его и глазом не моргнув.

— Не надо все портить, Кларк. Тебе дали шанс заглядывать своими поступками ужасные преступления твоих родителей.

Кулак Кларк врезался в лицо доктора Лахири, послышался негромкий треск, сменившийся глухим стуком, когда его голова ударилась о стену. Буквально через секунду в камере возник охранник, и руки Кларк оказались скручены за спиной.

— Сэр, с вами все в порядке? — спросил охранник.

Доктор Лахири медленно сел, потирая челюсть. Он смотрел на Кларк одновременно с гневом и любопытством.

— Теперь мы по крайней мере знаем, что ты сможешь постоять за себя, когда окажешься там в обществе других преступников.

— Там — это где? — буркнула Кларк, пытаясь освободиться от хватки охранника.

— Сегодня мы полностью разгрузим все камеры предварительного заключения, и сотня везучих преступников получит шанс своими руками изменить ход истории. — Его лицо исказила кривая ухмылка. — Вы отправляетесь на Землю.

Глава 2

УЭЛЛС

Канцлер сдал. Хотя Уэллс не виделся с отцом всего шесть недель, но тот за столь краткое время будто состарился на несколько лет. Прибавилось седины на висках, и морщины вокруг глаз залегли глубже.

— В конце концов, ты собираешься рассказать мне, зачем это сделал? — устало спросил Канцлер.

Уэллс поерзал на стуле. Он чувствовал, как истина, словно когтями, разрывает его изнутри. Он отдал бы почти что угодно, лишь бы стереть с отцовского лица выражение разочарования, но не мог рисковать — по крайней мере не раньше чем убедиться, что его безрассудный, отчаянный план действительно сработает.

Пряча глаза, Уэллс снова и снова окидывал взглядом комнату, стараясь получше запомнить реликвии, которые он, возможно, видел в последний раз: скелет орла в стеклянной витрине, несколько картин, переживших пожар в Лувре, и фотографии прекрасных мертвых городов, от звука чьих имен по спине Уэллса каждый раз бежали мурашки.

— Как ты посмел? Ты что, выпендривался перед своими дружками?

Консул говорил тем ровным, спокойным тоном, который обычно приберегал для слушаний в Совете, а потом приподнял бровь, чтобы Уэллс понял: настал его черед говорить.

— Нет, сэр.

— Может, у тебя случился приступ временного помешательства? Или дело в наркотиках?

Теперь в голосе Канцлера зазвучали нотки надежды, и в другой ситуации это позабавило бы Уэллса. Но во взгляде отца вновь проступила та смесь усталости и растерянности, которой Уэллс не видел с похорон матери, и это было совсем несмешно.

— Нет, сэр.

Уэллс ощутил мимолетное желание коснуться руки отца, но отнюдь не наручники на запястьях удержали его от того, чтобы потянуться через письменный стол. Даже когда они стояли вокруг внешнего шлюза, чтобы сказать последнее тихое «прости» матери Уэллса, он не смог бы преодолеть эти несчастные шесть дюймов, что их разделяли. Они с отцом были словно два магнита — взаимные обвинения отталкивали их друг от друга, как полюса с одинаковым зарядом.

— Возможно, это была какая-то политическая декларация? — От этой мысли отец поморщился, словно пропустив удар. — Тебя подбил на это кто-нибудь с Уолдена или Аркадии?

— Нет, сэр, — повторил Уэллс, сдерживая возмущение.

Похоже, последние шесть недель отец пытался представить себе его в образе какого-то бунтаря, перекраивая свои воспоминания, чтобы понять, как сын, в недавнем прошлом блестящий студент, а ныне — кадет высшего ранга, совершил самое громкое в истории правонарушение. Однако даже знание истины вряд ли помогло бы отцу справиться с шоком. Ничто не могло оправдать в глазах Канцлера поджог Райского Древа, саженец которого принесли на Феникс прямо перед Исходом. Но Уэллс посчитал, что у него не было другого выхода. Он должен был что-то сделать, чтобы присоединиться к отправляющейся на Землю сотне, потому что узнал, что в ее состав вошла Кларк. А поскольку он был сыном Канцлера, в Тюрьму его могло привести лишь громкое, резонансное правонарушение.

Уэллс помнил, как шел через толпу, собравшуюся на Церемонию Поминовения, ощущая на себе взгляды тысячи глаз, как дрожала его рука, когда он вытащил из кармана зажигалку, и тьму озарила яркая вспышка. Несколько мгновений все молча смотрели, как Древо охватывает пламя. Поэтому, когда во внезапно воцарившемся хаосе охранники рванулись вперед, невозможно было не понять, кого именно они схватили.

— Что ты, черт возьми, себе думал? — спросил Канцлер, недоверчиво глядя на сына. — Зал мог выгореть целиком, и все люди погибли бы.

Наверное, лучше было бы соврать. Отцу легче будет думать, что Уэллса взяли на «слабó». Или, может быть, лучше прикинуться, что он был под кайфом? Любой из этих сценариев устроит Канцлера куда больше, чем

истина, которая заключается в том, что его сын поставил все на карту ради девушки.

Дверь госпиталя уже закрылась за ним, но улыбка Уэллса оставалась на месте, она словно вмерзла в лицо, как будто усилие, с которым он поднял уголки губ, повредило какие-то мышцы. Но, наверное, маме, чье зрение было затуманено наркотиком, этот оскал казался настоящей улыбкой, а теперь имело значение только это. Мама держала Уэллса за руку, а из него изливалась ложь, горькая, но безвредная. *Да, у нас с папой все в порядке.* Маме незачем знать, что они с отцом за неделю едва ли перекинулись несколькими фразами. *Когда тебе станет лучше, мы дочитаем «Упадок и гибель Римской Империи».* Они оба знали, что ей никогда не добраться до последней страницы.

Выскользнув из госпиталя, Уэллс начал прохаживаться туда-сюда по палубе В, которая, к счастью, пустовала: в этот час большинство людей находилось на учебе, на работе или в Обменнике. Сам он тоже должен сидеть на лекции по истории: еще недавно это был его любимый предмет. Ему всегда нравились рассказы о древних городах вроде Рима или Нью-Йорка, блистательное величие которых могло сравниться разве что с их падением. Но сейчас он не смог бы провести два часа среди однокашников, забрасывающих его мессенджер сообщениями, полными неловких, путаных слов сочувствия. Единственным человеком, с которым он мог говорить о матери, была Гласс, но в последнее время она как-то странно отдалилась.

Уэллс толком не понял, сколько времени он уже стоит у двери, но было ясно, что ноги принесли его в библиотеку. Он позволил сканеру идентифицировать сетчатку его глаза, дождался запроса и прижал подушечку большого пальца к панели. Дверь отъехала в сторону ровно настолько, чтоб Уэллс мог проскользнуть в образовавшуюся щель, а потом с сердитым стуком вернулась на место.

Она словно бы сделала Уэллсу большое одолжение, допустив его в святая святых.

Юноша глубоко вздохнул, когда над ним сомкнулась кишашая тенями тишина. Книги, перед Катаклизмом эвакуированные на Феникс, хранились в высоких бескислородных контейнерах, которые значительно замедляли процессы изнашивания. Читать их разрешалось только в библиотеке и не более нескольких часов подряд. В этом огромном помещении не был настроен суточный цикл освещения: тут царили вечные сумерки.

Именно в библиотеке, сколько себя помнил Уэллс, они с матерью проводили воскресные вечера. Пока он был совсем малышом, мама читала ему вслух, а когда он подросток, они сидели тут бок о бок каждый со своей книгой. Когда мамина болезнь перешла в наступление и ее стали терзать головные боли, Уэллс начал читать ей книги вслух. Накануне того дня, когда маму госпитализировали, они как раз приступили ко второму тому «Упадку и гибели Римской Империи».

По петляющим узким проходам он пробрался вначале в секцию английского языка, а потом оказался в историческом отделе, который находился в дальнем темном углу. Собрание исторических книг было меньше, чем следовало бы. Первое колониальное правительство снабдило Феникс прекрасной электронной библиотекой, но меньше чем через сто лет ее почти целиком уничтожил вирус. Книги остались только в частных собраниях и стали семейными реликвиями, которые переходили от первых колонистов к их потомкам. А в последнее столетие большинство этих книг было передано в дар библиотеке.

Уэльс присел, чтобы его глаза оказались на одном уровне со сканером, прижал палец к замку, и стекло скользнуло в сторону, сопровождаемое шипением: это воздух устремился в контейнер, заполняя вакуум. Он потянулся было внутрь за «Упадком и гибелью», но вдруг остановился. Он хотел бы почитать про Рим, а потом рас-